

Евгений Лукин

**Время
разбрасывать
камни**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 2

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Л84

Лукин, Е.

Л84 Время разбрасывать камни / Е. Лукин. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 374 с. — (Мозаика Миров).

ISBN 978-5-521-91647-4

Осторожнее врите — враньё может оказаться правдой.

Мало того, оно просто не может ею не оказаться!

Вам это подтвердят герои произведений Евгения Лукина, причём на своём собственном опыте.

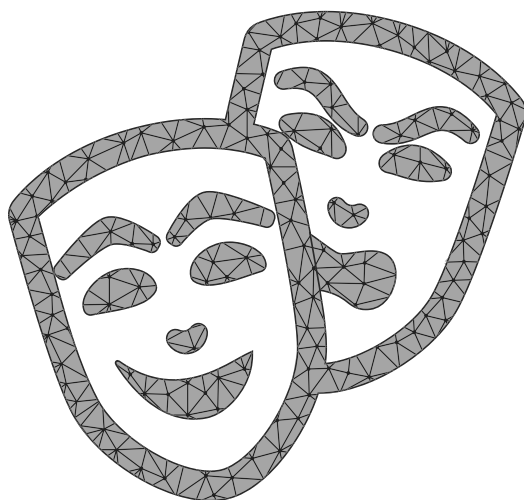
Да и чего бы вы хотели, если правда — это враньё, в которое поверили!

BIC FLC
BISAC FIC009040

ISBN 978-5-521-91647-4

© Евгений Лукин, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Может, было...

Время разбрасывать камни

А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных...

Герберт Уэллс

За Волгой для нас земли нет!

Снайпер Зайцев

При виде едущей навстречу тачки (нет, не автомобиля – тачки в исконном значении этого слова) гадюка дёрнулась вправо, влево и, уразумев, что бежать некуда, поспешно свернулась в сложный пружинистый узел, изготовилась к броску. Молоденькая, полуметровая. Особенно трогательно выглядел хвостик, которым она угрожающе постукивала по утопанной до глянца грунтовке. Честно предупреждала, что голыми руками не возьмёшь.

– Ну! – сказал Георгий, останавливая тележку. – А дальше?

Дальше гадючка сообразила, что ей дают шанс, и, метнувшись к левой обочине, попыталась перехлестнуть насыпь с разгона. Не удалось. Кинулась ещё раз – и опять съехала на дорогу. В панике обернулась к Георгию и, вновь приняв боевую позицию, принялась нервно постукивать хвостиком.

Время разбрасывать камни

– Нужна ты мне! – хмыкнул тот. – Змееборца нашла...

Отпустил рукоятки и огляделся, высматривая прутик подлиннее – подсадить. Прутика поблизости не оказалось, а юная рептилия тем временем сумела-таки с третьего раза одолеть, прямо скажем, невеликое препятствие. Извилисто шевельнулись за обочиной белобрысые, выгоревшие до пунцовых оттенков сорные колоски. Овсяг какой-нибудь...

– И больше, смотри, на дорогу не суйся, – строго посоветовал вослед Георгий. – Тут покруче тебя гады ползают. Расплющат – и не заметят.

Впереди, над песчаными буграми, поросшими кое-где быльём, давно уже показался город. Запросто можно было вообразить, будто до него час ходьбы. Однако ещё полсотни шагов – и впечатление это исчезнет: за песчаной грядой блеснёт Волга. Естественная преграда, глядя на которую, опять-таки можно потешить себя иллюзией, что цепкие щупальца с того берега до тебя не дотянутся.

По сути город давно уже принадлежал чужим, хотя далеко не все об этом знали, полагая события последнего времени просто стечением обстоятельств или даже карой за грехи. Словно бы подёрнутый тончайшим сизым пеплом, он смотрелся отсюда точно так же, как десять-пятнадцать лет назад, если, конечно, не сосредотачиваться на скелетах невероятных, нечеловеческих конструкций, вознёсшихся недавно над людским жильём.

А ведь пока их только ещё монтируют. Как же они будут выглядеть в готовом виде?

Впрочем, не надо о грустном. Сосредоточимся на милом сердцу занятии.

Давным-давно, задолго до нашествия, как раз напротив дачных посёлков набежала на мель баржа с камнем. Так, во всяком случае, рассказывали. Чтобы сняться, пришлось разгрузить её прямо на мелководье. Год от года Волга мыла камушки, шлифовала песком. Сначала Георгий, приходя купаться, просто подбирал приглянувшиеся голыши и складывал на участке горкой. Потом придумал мостить ими дорожки.

Хорошо, когда есть чем отвлечься. Камушек к камушку – так и забудешь, хотя бы на время, о том, что нас всех ожидает в ближайшем будущем...

Препятствие подкралось незаметно. Не вскинь он вовремя глаза, так бы и въехал тачкой в перегородившие грунтовку двустворчатые ворота, наспех сваренные из кусков арматуры. В обе стороны от неведомо когда возникшей преграды по песчаным буграм разбегалась колючая проволока. А на самих воротах висел замок.

– Что за хрень? – пробормотал Георгий, озираясь.

По ту сторону ограждения близ решётчатых врат утвердилась на диво обшарпанная будка, уже окрашенная на треть мерзкой краской рептильно-зелёного цвета.

– Эй! А люди тут есть?

Молчание. Хотя какие-то шорохи и постукивания из-за будки слышались. Решив не церемониться, Георгий достал из матерчатой сумки железный совок, которым выкапывал увязшие в песке голыши, и с маху грянул им по арматурине. Потом ещё раз.

– Погреми мне там, погреми, – отозвался знакомый шамкающий голос, а минуту спустя из-за будки показался и сам Евсеич. В укапанных краской кроссовках, в камуфлированных штанах с подтяжками и в соответствующей штанам панамке. На бурой от загара старческой груди расползлась самосевом седая поросль. В морщинистой испещрённой зелёными чешуйками ручонке, напоминающей лапку не крупного динозавра – плоская малярная кисточка.

– Ты теперь сторож тут, что ли? – поздоровавшись, озадаченно спросил Георгий.

В ответ пенсионер величаво наклонил пятнистую свою панамку. Водянистые прозрачные глаза строги, губы поджаты. Сразу видно, при должности человек.

– Ну, открывай тогда...

– Не имею права, – с достоинством отвечал беззубый Евсеич.

– Я ж не на машине! Или тут и с тележек плату брать будут?

– Приказано никого не пускать, – помедлив, с расстановкой извещив Евсеич.

– Как никого? – ошалел Георгий. – А купаться пойдут?

– Никого, – подтвердил Евсеич.

– погоди! Кто приказал?

Мог бы и не спрашивать. Кроме того, на левом столбе ворот обнаружилась временно приютившаяся там табличка, поясняющая на трёх земных языках, кому теперь принадлежит территория. Ну вот и до левобережья добрались. Чужало сердце.

– Неужто и берег оттяпали? – У Георгия даже голос упал. – Это ж муниципальная собственность...

– Ну вот, стало быть, муниципалитет и того... и уступил...

Уступил... Георгий стиснул зубы. Да он давно уже нас всех им уступил. С потрохами...

– Что ж, и к Волге теперь не выйдешь?

– Почему? На пристань дорогу оставили...

Тем часом из-за будки показалась супруга сторожа, огромная коренастая карга. И тоже с помазком.

– Что? Отъездился за камушками? – ликующе приветствовала она Георгия. – У, злыдень! Весь берег к себе на участок перетаскал. Шиш теперь поездишь...

Лицо её, и без того исковерканное жизнью, а теперь вдобавок радостно ощеренное, вызывало такую неловкость за род людской, что Георгий не выдержал, опустил глаза. Несколько секунд непонимающе смотрел, как по отлогому склону ползёт жучок, оставляя на сухом песке узор, напоминающий след крохотной велосипедной шины.

– Дорожки он мостит... погоди! Ещё и то, что упёр, вернуть заставят... Это тебе не свои!

Георгий очнулся и, пропустив мимо ушей выпад старой язвы, взглянул в лицо сторожу. Тот моргнул. Как перед оплеухой.

Оплеуха последовала, но в устном виде.

– Евсеич! Ты ж им жабры порвать грозил! Нелюди, говорил, Родина, говорил, гибнет... А теперь? Сам, выходит, им служишь?

Старикашка опешил, почти устыдился.

– Да?... – визгливо отвечала за супруга карга с помазком. – А жить на что? Много ты на пенсию проживёшь! Нелюди... Бога за таких нелюдей молить!

И Георгий вновь оглядел с тоской бредовые конструкции, фантастические создания чуждого разума, встающие над сизыми контурами города.

«Да, вот так, – подавленно мыслил он. – Ещё и бога за них молить... Кто бы нас ни мордовал – возлюбим до самозабвенья. То царю-батюшке задницу лизали, то вождю всех времён и народов, то законно избранному Президенту... А чем, скажем, хуже клоака марсианина?»

Разумеется, к Марсу чужие никакого отношения не имели, но, с другой стороны, какая разница...

– Евсеич, – позвал Георгий. – А что ж у тебя колючка такая жидкая – в две нитки?

– Доплетать будем...

– Так это когда ещё будет! Дырявая граница-то, а, Евсеич?

В младенчески-прозрачных глазах ворохнулся испуг.

– Нельзя, – беспомощно сказал сторож.

– Да ладно тебе – нельзя! Чего тут мудрёного? Верхнюю проволоку оттянул, на нижнюю наступил... Хочешь, научу?

– Звони давай! – заполошно закричала на мужа сторожиха.

– Не надо, не звони, Евсеич, куда, – успокоил Георгий. – Я человек мирный, законопослушный. Велено повернуть оглобли – поверну. А вот в выходные... – Он приостановился, предвкушая. – Прикинь: попрутся дачники на Волгу – толпой, на машинах, да ещё и гости к ним наверняка понаедут... Они ж тебя вместе с проволокой снесут! С будкой и с воротами! В такую-то жару...

Престарелая чета переглянулась со страхом. Тоже, видать, вообразили.

– Да я им говорил уже, – чуть ли не оправдываясь перед Георгием, жалобно взывал Евсеич. – К субботе вооружённую охрану обещали...

– Сами явятся или так, людей пришлют?

– Людей... – стонуще отвечал Евсеич.

– Жаль... А то давненько я на них не любовался, на уродов...

Прищурился со вздохом на песчаные бугры, из-за которых никогда уже не блеснёт полуденная Волга, – и, развернув порожнюю

Время разбрасывать камни

тачку, молча покатыл её прочь. Карга вопила вослед что-то обидное, но Георгий не вслушивался. Горло перехватывало.

Братья по разуму... Каин с Авелем... Но умные, умные твари, ничего не скажешь. Если вмешаться самим – это, не дай бог, в человеческой кровушке замараешься. А так – побили аборигены аборигенов. Что с них взять, с приматов недоразвитых...

* * *

Пойма отдыхала, отходила помаленьку от страшной прошлогодней засухи. Никогда такого не бывало, даже старожилы не упомнят, чтобы весной вода не пошла в озёра и ерики. Не пошла, однако. Закованные в броню запёкшейся ряски пруды мелели под истошные причитания лягушек, дачники, оставшись без полива, спешно принимались бить скважины, чем напоследок обогатили буровиков. В садах-огородах ещё так-сяк, а в самой пойме осень наступила в конце июля. Желтели тополя, становились прозрачны до срока. Появились невиданные в наших краях птицы – не иначе, обитатели полупустынь. Пересыхая, илистые водоёмы обращались в подобия пепельных лунных кратеров. Апокалипсис, братцы, конец света.

Причина была известна: плотина сбросила воду в недостаточном объёме. О том, почему она так странно поступила, сильно спорили, выдвигали самые подчас невероятные объяснения, но сходились в одном: без чужих не обошлось.

Большинство уверяло, будто всё дело в энергии. Они ж её, по слухам, мегаваттами жрут! Вот, стало быть, и дали установку: через шлюзы воду не гнать – гнать только через турбины.

Георгию версия казалась сомнительной. Сам он был убеждён в другом: чужаки просто-напросто хотели согнать людей с насиженных мест. Потом увидели, что здешние обитатели – народ упорный, и сами испугались. Один год без воды дубравы и рощи выдержат, восстановятся, а вот пара-тройка лет – это уже не шутка. Ну и кому нужна зона экологической катастрофы?

Так или иначе следующей весной вода в ерики хлынула – и держали её довольно долго. Надо полагать, решили сменить тактику. Да что там полагать! Уже сменили...

Стало быть, прощай, Волга, прощайте картавые звонкие чайки, ребристый песок на мелководе – как отпечаток Божьего пальца, ящеричная сетка солнечных бликов и лениво клубящиеся на обрывчатом берегу отражения волн... Теперь любуйся на всё это издали, с борта пароходика... при условии, что хотя бы пристань уцелеет. А на пляжах и отмелях будут теперь колыхаться влажные коричневые туши пришельцев...

Георгий остановил тачку возле бара – так пышно именовался бетонный квадрат под жестяным навесом, прилегающий к строению из белого кирпича. Архитектурно оно и само напоминало кирпич с окнами, дверью и реликтовой надписью «Магазин». Эх, где вы, невозвратные светлые дни, когда магазины ещё назывались магазинами, тачки – тачками, люди – людьми...

Торговая точка была обнесена тонкой металлической оградой, которую от великого ума додумались выкрасить серебрянкой. Кладбищенские мотивы. Как раз под настроение.

Продавщица на точке правила новая. Этакая малость перезревшая хуторская красавица. Лёгкая мордастость в сочетании с сильной глазастостью.

В другой бы раз смена власти за прилавком огорчила Георгия – новые всегда недоливают. Чтобы доливали, надо познакомиться, подружиться, бывает даже, что и переспать. Беспрекословно приняв высокую пластиковую посудину, добрая треть которой была заполнена пеной, мрачновато-задумчивый, он присоединился к двум другим человеческим особям, что сидели под жестяным навесом, причём каждый за своим столиком, полуотворотясь друг от друга. Один – Володька из «Початка», второго, одетого не по-дачному, Георгий видел впервые. И сто лет бы ещё не видел. Холёное начальственное рыло, надменные оловянные гляделки. Самоуважение, как говаривал опальный ныне классик, титаническое.

Георгий поздоровался. Володька, ясное дело, ответил. Второй спешиво промолчал. Ну и чёрт с тобой!

– А чего это ты порожняком? – подначил Володька. – Камушки кончились?